

ПУТЬ В НЕБО

Почему я пишу эти воспоминания? Для кого? Поверь мне, строгий мой Читатель, совсем не для того, чтобы обозначить свою какую-то значительную роль в становлении отечественной космонавтики. История - мозаика, в которой для полноты цветовой палитры есть место и для мелких и мельчайших ее составляющих. Космонавтика - работа многих и многих в период от начала 60-х годов прошлого века и до настоящего времени. Боюсь, что знаменитое гагаринское «Поехали!..», мелькавшее в заставке программы «Время» на ТВ, сегодняшними молодыми людьми неузнаваемо. Что уж говорить о частных событиях. Они их не знают и навряд ли узнают. Но я твердо уверен, что по крайней мере моим товарищам по работе, моим друзьям, моим близким - им всем будет интересно прочитать эти записи. Пусть никого не смущает, что я большинство персонажей называю по имени. Так я их называл в то время, так сохранила их моя память. И неважно, что сейчас нам, увя, за шестьдесят, что мы в каких-то званиях, имеем какие-то регалии. Я старался не ошибиться в датах и деталях происходившего. Может быть, где-то память дала сбой. Слава Богу, есть кому меня поправить.

Лето 1966 года. Мы проходим медицинскую комиссию в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале на 7-й просеке, что сразу же за парком Сокольники. Впереди испытания по программе отбора в отряд космонавтов. Годен - не годен? Это вопрос твоей дальнейшей судьбы... Мы - группа сотрудников НИИ-2 и несколько человек из академических институтов - разместились в старом двухэтажном деревянном здании, на втором этаже, в громадной палате (коек на тридцать). Все молоды. Шутки, розыгрыши. Возникает ощущение, что мы находимся на каких-то спортивных сборах.

Середина 60-х годов. Полет в космос - это и достижение, и взлет на вершину славы слетавшего, а также и «дивиденды» для его начальников. Почет. Особый статус в стране повсеместного распределения житейских благ. До той поры никому неизвестный человек становится центром внимания сотен миллионов людей. Это как квантовый переход, но только в социальной среде. Как же тут не волноваться? Кому посчастливится стать в прямом и, что совсем немаловажно, в переносном смысле *небожителем*? Только ли эти мотивы? Отнюдь нет! Уверенно говорю: в каждом, кто стремился слетать в космос, были мысли и чувства, суть которых - в стремлении познать неизведанное, послужить делу прогресса человеческого в духе романтизма первооткрывателя, в духе Учителя и Мечтателя - Константина Эдуардовича Циолковского. Говорят, в каждом мужчине живет мальчик. Пожалуй, в меру того, сколько мальчика в ком живет, и определяется соотношение прагматизма и романтики в любой нестандартной деятельности человека.

Как же нам удалось попасть в ЦНИАГ в надежде, пройдя медицинскую комиссию, быть зачисленными в отряд космонавтов? Для цельности картины вспомним, что этому способствовало и что этому предшествовало.

1962 год. В НИИ-2 - главном Научно-исследовательском институте войск противовоздушной обороны - создано управление противокосмической обороны (ПКО). Начальник **Олег Александрович Чембровский** - творческая личность, очень и очень незаурядная во всех отношениях - по космосу начал серьезно работать, еще будучи начальником авиационного управления, где был выполнен ряд научно-исследовательских работ, по результатам которых определился круг задач военного применения пилотируемых космических кораблей в интересах ПВО. То, что сейчас выполняют наши космонавты и американские астронавты, например, длительные полеты, амелирование на орбите, захват и транспортировка космических объектов и многое другое, - все это уже в то время прорабатывалось молодым коллективом в управлении НИИ-2.

Первый визит в Центр подготовки космонавтов относится к 1962 году. Вместе с О.А.Чембровским на встречу к руководству центра поехали сотрудники управления А.А.Николаев и В.Б.Алексеев. Потом для установления деловых контактов в институт приезжали космонавты Ю.А.Гагарин, П.Р.Попович, В.М.Комаров и другие.

Главным заперщиком в контактах с Центром подготовки космонавтов был наш друг и товарищ по альпинизму **Толя Николаев**, талантливый «автоматчик», ученый, инженер и блестящий организатор. Появление в центре первых современных по тому времени стендов по отработке ручного управления космическим кораблём - это несомненная заслуга Толи. Он «проторил тропу» по той научно-практической целине, которая в то время была. Достаточно сказать, что в центре тогда был только небольшой научно-методический отдел с весьма ограниченными задачами и возможностями. И появление одержимых идеями научных сил, конечно же, было воспринято в центре с большим энтузиазмом. Немаловажную роль сыграло обстоятельство, что заместитель начальника ЦПК Юрий Алексеевич Гагарин был незаурядным человеком, которому, наверное, более, чем его коллегам, были понятны перспективы развития пилотируемой космонавтики, в том числе и по задачам, специфическим для ПВО и ПКО. Будучи с визитом в Калинин, в ходе беседы о задачах ПКО он задал вопрос заместителю начальника института генералу **Якову Исаевичу Трегубу**: «Сколько времени занимает подготовка научных сотрудников, способных понимать и решать эти задачи?» Услышав, что это примерно 6 лет, он подумал и сказал: «Надо бы привлечь ваших ребят». Вот так он видел проблему. Наше взаимодействие стало более плотным.

Установившиеся дружеские отношения между Гагариным и Толей Николаевым были хорошим условием для командировок в ЦПК других сотрудников НИИ-2. Мало того что Толя очень располагал к себе людей, он с группой сотрудников института создал первый в ЦПК стенд для тренировки космонавтов в режиме ручного управления космическим кораблём. Юрий Гагарин, будучи в то время руководителем и общественным деятелем с очень плотным расписанием дел и встреч, находил время выслушать предложения от тех, кого представлял ему Толя Николаев.

Вернемся к началу рассказа. Наше бытие в ЦНИАГе отличалось юмором и трагедией, как многим тогда это казалось. Кто-то сошел с дистанции на десятый-пятнадцатый день. Как складывались дела у меня?

28-й день отборочной комиссии... Позади «куча» тестов, анализов, просвечиваний, прослушиваний и прочих медицинских «штучек». Кстати, сами медики говорили, что по установленным у нас медицинским требованиям добрая половина американских астронавтов не прошла бы медицинский отбор. Но наши правила - самые правильные! И вот на центрифуге с перегрузкой 8g у меня обнаружили extrasystoles: сердце «выдало» в неположные промежуточные времени электрические импульсы. И зачем ему это надо было? Казалось, ничего не болит. Крепок. Здоров. В горах только один раз был маленький синдром «горняшки», когда тащились на Эльбрус. Получается, что зря летали в аэроклубе, прыгали с парашотом? Ведь как все

прекрасно начиналось!.. А начиналось это так. Мысленно возвращаясь к тому времени. Если не ошибаюсь, первым вслух высказал идею «пойти в космонавты» **Володя Алексеев**. Вообще надо знать Володю. Прекрасный инженер-исследователь, мечтатель и прагматик, увлекающаяся и целеустремленная натура, компанейский парень, хороший товарищ. Именно он «заразил» меня альпинизмом. В горах почти всегда мы ходили в одной связке. Только за это я уже ему благодарен. Так вот, идея «идти в космонавты» упала на благодатную почву. Молодые научные сотрудники, каждый увлечен своей темой и видит, что и как он смог бы сделать, будучи в составе экипажа космического корабля. Более того, мы были уверены, что наилучшие результаты могут быть именно у нас, специалистов в своей области. Конечно, мы были честолюбивы. Думаю, что каждый из нас не мог не «примеривать» на себя все регалии космонавта - Героя Советского Союза. Что греха таить! Помню, как Володя сказал, что готов лететь в космос под чужой фамилией, без фото и портретов. Юношеский максимализм? Возможно. Не надо забывать, что всем «кандидатам» в ту пору было около 30 лет. Замечательный возраст! От прекрасных мечтаний надо было переходить к делу. Переговорили с начальством, получили принципиальное согласие. Начали «пробовать» директиву Генерального штаба с помощью Научно-технического комитета войск ПВО страны. После всех докладов-перекладов в ПВО, устных согласований с аппаратом Главкома ВВС, в том числе с руководителем подготовки космонавтов (была такая должность в Главкомате) генералом Н.П.Каманиным, приступили к написанию директивы. Так получилось, что написание директивы поручили мне. В ходе подготовки директивы мне посчастливилось близко познакомиться с членом нашего НТК **Анатолием Николаевичем Коробковым**. Это уникальный человек: летчик-инструктор, инженер и исследователь «от Бога», совершенно далекий от начального чванства, интеллигент до мозга костей. Наше деловое знакомство, несмотря на разницу в возрасте и воинском звании (я майор, он полковник), перешло в большую дружбу, которая продолжается по сей день и которой я горжусь. Думаю, всем нам повезло, что написание и утверждение директивы поручили курировать именно ему. Он хорошо понимал суть проблемы, и благодаря его прекрасной зрелищности и умению отстаивать свою точку зрения директива была быстро подготовлена, прошла все согласования и весной 1966 года была подписана начальником Генерального штаба. Шлагбаум был открыт, теперь надо было двигаться дальше.

В институте начали «подрабатывать» списки кандидатов. Подробности этой «кухни» доподлинно мне неизвестны. Известно, что к этому были привлечены кадровики и политотдел. Здесь проявились некоторые нюансы, присущие тому времени... Не будем на этом заострять внимание.

Не зная, кто будет направлен на отборочную комиссию, мы, инициативная группа, «побежали вперед паровоза». Все понимали, что на пути в отряд космонавтов помимо медицинской и мандатной комиссий предстоит преодолеть серьезное предубеждение: в космос надо посылать *только* летчиков-истребителей. Да и мы сами не очень были уверены в том, насколько мы в состоянии эффективно работать в космическом полете. Летной практики ни у кого не было. Опять помог случай. Незадолго до этого момента к нам в отдел пришел на должность младшего научного сотрудника сплывший с лётной работы майор **Борис Матвеевич Букин** - летчик-истребитель. Он для души летал в Калининском аэроклубе в качестве общественного летчика-инструктора. Благодаря ему в 1965 году мы начали летную подготовку на планете. Кроме того, сыграло некоторую положительную роль и то, что начальник аэроклуба Юрий Коршунов оказался моим однополчанином - служили в одном авиационном полку. Еще раз оказался правым наш незабвенный **Николай Захарович Гайнутдинов**, заместитель О.А.Чембровского: «Отношения между людьми на порядок выше отношений в технике».

Словом, двери аэроклуба открылись перед нами. Мы - это **Володя Алексеев, Миша Бурдаев, Владимир Глушков, Толя Николаев, Коля Порваткин, Юра Титов, Гена Фадеев, Владимир (Вадим - так меня называли друзья, пока не достиг возраста, когда стали звать по имени-отчеству) Фишелев** - с громадным удовольствием погрузились в будни аэроклуба.

По-моему, по инициативе Миши Бурдаева был издан приказ по институту о разрешении нам посещать аэроклуб в служебное время (за счет обязательных в армии часов физподготовки). Никто не предпологал, что начальник института генерал **Борис Александрович Королев**, строевик, «военная косточка», и вдруг пойдет нам навстречу. Позже жизнь показала, что за внешней суровостью и неприступностью скрывается очень даже неплохой человек.

Вернемся в ЦНИАГ (ради точности в то время он назывался НИАГОМ).

Я остановился на 28-м дне моего пребывания на медкомиссии. Да, врачи вынесли свой вердикт: «Для полетов в космос не пригоден!». Собрал свои «манатки», попрощался с ребятами, пожалал им успеха. К слову, комиссия еще долго-долго проходила и были признаны годными из наших только четыре человека: Володя Алексеев, Миша Бурдаев, Коля Порваткин и Толя Николаев. Толю в космонавты не отпустили в связи с его ключевой ролью в работах НИИ-2 по тематике «пилотируемая космонавтика». В отряд космонавтов попали первые три человека. Мы искренне были рады за них, с нетерпением ждали, когда газеты и радио известят мир о выводе кого-то из них на орбиту. Каждый завидовал по-своему: кто белой завистью, кто серой.

Получив своеобразный «волчий билет» в космос, я, не скрою, был сильно огорчен. Очень сильно огорчен и просто так обескуражен. Понять это можно.

Интересно, что после увольнения из армии судьба опять привела меня к космической тематике: на отработку космического корабля «Буран». Завершение этой деятельности по сути совпало с автоматической посадкой корабля на аэродроме «Юбилейный» (Байконур) 15 ноября 1988 года. Об этой космической эпопее пристало рассказать другим...

Владимир ФИШЕЛЕВ,
академик Российской академии
космонавтики им. К.Э.Циолковского